

Михаил Ефимович СТЕКЛОВ

Родился в Смоленске в 1939 году. Профессор Смоленского педагогического университета, член Союза журналистов России, краевед, историк педагогики. Окончил историко-филологический факультет Смоленского педагогического института (1963), аспирантуру Ленинградского пединститута им. А.И.Герцена (1968), кандидат педагогических наук (1974).

Работал в Смоленском обкоме ВЛКСМ (1962-1968), редактором смоленских газет (1968-1970), в Смоленском педагогическом университете (1973-2010). Автор более 200 научных работ и монографий о Я.А. Коменском, В.В. Розанове, А.С. Макаренко, М. М. Пришвине, В.А.Сухомлинском, А.Т. Твардовском, М.А.Булгакове. Заслуженный работник культуры РФ.

ТРИ ДНЯ С БОРИСОМ ВАСИЛЬЕВЫМ

В январе 1993 года по приглашению Смоленского собрания приезжал писатель Борис Васильев. Его книги «А зори здесь тихие...», «Жила-была Клабочка», «Иванов катер», «И был вечер, и было утро», «Летят мои кони...», рассказы, повести пользуются у читателей заслуженной популярностью. Но те, кто когда-либо видел и слышал Бориса Васильева, общался с ним, любят не только его творчество, но и его самого - высокого и красивого человека, интересного собеседника, умного и откровенного.

Смоляне относятся к нему по-особому. И не только потому, что писатель - наш земляк. Скорее за то, что он воспел наш город. Как стихи звучат его строки, посвященные Смоленску: «И детство, и город были насыщены Добром, и я не знаю, что было вместилищем этого Добра - детство или Смоленск».

Десять лет прошло, как Борис Васильев приезжал на старые днепровские кручи. Теперь он пробыл здесь три дня. Программа его визита была чрезвычайно насыщена - выступление перед членами Смоленского собрания, участие в заседании кафедры литературы пединститута, встреча со смолянами в концертном зале имени М.Глинки, прием у мэра М.Г.Зысманова и председателя городского Совета народных депутатов В.И.Анисимова, поездка в Высокое Ельнинского района на могилу деда И.И.Алексеева.

В эти три дня я достаточно часто разговаривал с Борисом Львовичем и его женой - Зорей Альбертовной. И много думал о природе таланта писателя, о его литературных взглядах и об общественной позиции.

Так родились отрывочные записи, которые я назвал «Три дня с Борисом Васильевым».

* * *

Едва мы оказались в гостинице, как Борис Львович сказал: «Хочу пойти к дому, где я жил». Сразу не получилось - на улице еще было темно. Чуть позже мы оказались на улице Декабристов, бывшей Никольской, и во дворе одного из домов увидели остатки кирпичной кладки. Это все, что сохранилось от старого здания, куда шестилетним ребенком переехал Борис Васильев из домика, что стоял на Покровской горе.

Постояли. Борис Львович удивительно много помнит из тех далеких лет - названия улиц, разговоры, события, имена людей, тогда живших по соседству.

Потом прошли к зданию техникума связи. Здесь когда-то была синагога, а в детские годы Бориса Васильева был кинотеатр, который смоляне называли пятнадцатым.

Молчали. И говорили. А из моего сознания не уходили камни Васильевского дома. Как хорошо, что есть возможность у писателя возвращаться к камням своего детства. И пусть нет Дома, где каждый его уголок пропитан навсегда ушедшим временем... Но есть камни. Есть память, которая и останавливает бег времени.

* * *

Трогательно вспоминает своих родителей, бабушку, близких. «Летят мои кони...» - это книга о становлении человека, которое невозможно без осмысления своей родословной, внутренних связей с прошлым.

Не случайно Борис Васильев в этот период решил во что бы то ни стало посетить село Высокое, где похоронен его дед. Ни гололед, ни дальняя поездка не остановили его.

Другой родственник - брат деда - Василий Иванович Алексеев был учителем детей Льва Толстого. К сожалению, мы ничего не знаем об этом человеке, хотя связи яснополянского мудреца со Смоленщиной изучены довольно подробно доцентом пединститута И. Н. Антюфеевой.

* * *

Б. Л. Васильев в последние годы много размышляет о судьбе страны.

Его статьи в «Известиях» под общим заголовком «Люби Россию в непогоду» заставляют по-новому посмотреть на многие острые вопросы времени.

В недавней публикации в журнале «Октябрь», названной «Россия: Четыре книги Бытия», писатель предостерегает: «Ныне мы реально вступили в полосу четвертого Смутного Времени, и только от нас сегодня зависит судьба России. Это следует не просто понять, этим следует проникнуться, ощутить как наиглавнейшую задачу, как долг каждого - не допустить гражданской междоусобицы».

Думается, что все творчество последних лет - и книги, и статьи, и беседы, и выступления Бориса Васильева - направлены на предотвращение этой национальной беды.

* * *

Да, писатель - человек общественный. И что бы ни говорил сам, что он - затворник, существо штучное, в России творца воспринимают как учителя, который, рассказывая о жизни людей, учит их жить.

Читатели, даже искушенные, задавали вопрос Б. Васильеву о том, насколько реальна основа повести «А зори здесь тихие...». И когда узнавали, что книга эта - плод авторского вымысла, то обижались и не верили.

Лично для меня подобный вопрос почти не существует - раз герои книги признаны людьми реальными, раз их судьбы волнуют нас до слез, то значит, они живые и существуют в нашем сознании.

Повесть о своем времени «Летят мои кони...» читаешь как-то пристрастно. Вольно или невольно сравниваешь реального писателя Бориса Львовича с тем образом его, представленным в книге, и с близкими ему людьми. Не знаю, насколько подобное сопоставление соотносится с законами мемуарного жанра, но чисто человечески от этого никуда не уйти.

Вот строки об отце: «Вероятно, у него были враги - нельзя честно прожить жизнь, не нажив врагов. Отец никогда не говорил о них: он говорил только о друзьях, и зло не имело у него права голоса. Он жил с ощущением, что кругом только очень хорошие люди...».

Читаешь это, и независимо от себя возникает ощущение, что писатель предложил нам не только рассказ об отце, но и самохарактеристику...

Б. Васильев даже ни разу не вспомнил ругательные, очень несправедливые статьи критиков В.Кардина, А.Латыниной, не делился рассказами о неостанавливающейся борьбе в писательских кругах Москвы. Писатель не вел необязательных разговоров.

Когда В.И.Анисимов на приеме у мэра стал рассказывать об одном из наших знаменитых земляков, ныне находящемся в опале, сказал, что тот, приезжая в Смоленск, был корректен, вежлив, справедлив, то Борис Львович охотно поддержал этот разговор. Он вспомнил, что наш земляк помог достать очень редкое лекарство для тяжело больного депутата, рекомендовал писателя в состав комиссии по тбилиским событиям 1989 года.

Могут сказать, что это естественная реакция порядочного человека. Наверное. Но почему так часто и сегодня у опальных людей надолго замолкают телефоны, их перестают узнавать знакомые, а друзья едва узнают при встречах на улице? Значит, поря-

дочность - еще не стала нормой для всех. Для Б. Васильева - это уже закон общения с людьми, усвоенный от отца.

Борис Львович с душевной болью вспоминает о А.Д.Сахарове, о трагически ушедшей из жизни Юлии Друниной, по-доброму говорит о шестидесятниках - Евгении Евтушенко, Булате Окуджаве...

Помните, у Блока: «Там жили поэты и каждый встречал другого надменной улыбкой». Этой надменности, впрочем, свойственной многим художникам, нет у Васильева, он органически ей чужд. И это тоже от отца, который жил с ощущением, что кругом только очень хорошие люди».

* * *

А, быть может, человек сам создает свое окружение, вернее, духовную и житейскую нишу, где ему хорошо, уютно и где господствует тишина взаимопонимания? Когда я писал эти строки, я вспоминал жену Бориса Львовича - Зорю Альбертовну Васильеву.

Живут они вместе с 1946 года. Милая, тихая, задумчивая, она никого не перебивает в разговоре, не задает лишних вопросов, наотрез отказывается сесть рядом с мужем в залах, где он выступает... Поженились они, еще учась в академии бронетанковых войск, затем вместе работали испытателями новых боевых машин.

Однажды Зоря Альбертовна рассказала, как их танк буквально стал тонуть в трясине и, чтобы его спасти, она, командир экипажа, приказала Борису Львовичу за десятки километров отправиться ночью вместе с бойцом на базу, чтобы оповестить командование о случившемся. Экспериментальная машина была спасена.

Я спросил о судьбах других членов экипажа. Зоря Альбертовна помолчала, а потом грустно ответила: «Они все уже умерли». «Мы - осколки военного поколения», - добавил Борис Львович.

Многие смоляне с любопытством смотрели телепередачу - встречу Э.Рязанова и Б.Васильева. Из трехчасовой беседы в эфире показали далеко не всё. Встречена эта передача по-разному. В концертном зале один из слушателей обвинил писателя чуть ли не в неискренности. Это задело Б.Васильева. И он прав - в чем-то другом, но неискренним писателем он никогда не был.

Потом в личной беседе я высказал мысль, что, вероятно, некоторые зрители не поверили ему потому, что тот сказал Рязанову о непонимании в семидесятые годы многих явлений общественной и политической жизни.

- Да, так и было, - прокомментировал Борис Львович. - Я - человек военный. В академии меня учили, что Чехословакия - это наши западные рубежи. Когда туда вошли объединенные силы, то это глубоко меня не затронуло. Понимание многих сложных проблем пришло позже.

Ах, сколько сегодняшних умников стали чуть ли не государственными обвинителями тех «непонимающих», кто честно работал, учился и учил, кто писал хорошие книги. Откуда они? Не из тех ли очередей в райкомах КПСС, где годами стояли за анкетами, чтобы вступить в ряды активных строителей коммунизма?

«Непонимающий» Борис Васильев ближе мне во сто раз нынешних «понимающих», которые теперь уже толпятся не за партбилетами, а за должностями.

* * *

Честь имею... Так мог сказать о себе отец писателя, так имеет право сказать художник и офицер Борис Васильев. Однажды он спросил у отца, как произошло, что многие офицеры перешли на сторону красных. Тот ответил, что отречение Николая II автоматически снимало с них присягу, данную царю и Отечеству. А дальше уже каждый выбирал свою Россию.

* * *

Одна из излюбленных тем Бориса Васильева - это интернационализм. Нет, не официальный, не казенный, другой, который воспитывала его мама - дворянка по происхождению. Он так и пишет: «Мама попутно, походя, без громких слов прививала мне великое чувство повседневного бытового интернационализма».

- В нашем классе учились ученики восемнадцати национальностей: латыши, эстонцы, татары, евреи... И дружили.

- Школа № 13 называлась образцовой и носила имя Бубнова. Находилась она напротив городских часов.

Борис Львович говорил о дружбе ребят разных национальностей с гордостью, как об одной из главных духовных ценностей детства. Причем, повторял он об этом несколько раз и в личных беседах, и на приеме в мэрии.

Так вот, бытовой интернационализм воспитывался как дома, так и в школе. Потому-то и был повседневным. А наш древний Смоленск Б. Васильев называет городом-плотом, на котором плыли дети разных народов и искали здесь свое спасение. «И Смоленск был плотом, и я плыл на этом плоту среди пожитков моих разноплеменных земляков через собственное детство», - заметил писатель в книге «Летят мои кони...».

Излишне говорить, что Б. Васильев писатель-интернационалист. И знаете почему? Да потому, что он настоящий русский писатель.

Кто-то из критиков сказал однажды, что национализм - это мировоззрение плохого писателя...

* * *

Борис Васильев относится к женщинам по-рыцарски. И независимо от возраста: будь то Лиза Бричкина или Галя Четвертак, юные девушки-зенитчицы из повести «А зори здесь тихие...» или баба Лера из романа «Вам привет от бабы Леры». Это персонажи, так сказать, выдуманные, сочиненные писателем. Но для нас они, как живые, и мы, не стесняясь, плакали, когда они умирали, и страдали их нерожденным детям. Помните, как старшина Васков горевал после гибели Сони Гурвич: «А главное, что могла нарожать Соня детишек, а те бы внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки. Маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом».

Когда в концертном зале имени М.Глинки, отвечая на один из вопросов, писатель сказал, что он «безумно любит актрису Русланову», то слушатели не усомнились и не заподозрили в этих возвышенных словах мужского кокетства. Борис Васильев говорит так весомо, что за его словами ощущаешь правду спонтанного чувства и соглашаешься, независимо от того, что ты думал раньше. Русланова - действительно удивительная актриса.

Любопытный факт. В Смоленск Борис Львович привез новую повесть под названием: «Прах невестребованный» и прочитал ее нескольким членам Смоленского собрания - В.Б.Растихину, И.А.Огневу, И.А.Южакову, О.Л.Раскатовой и М.Растихиной. Слушатели были покорены обаянием таланта писателя и еще раз убедились в том, что он не только добр в жизни, но и необыкновенно понимающе относится к поступкам своих героев и их нелегким судьбам.

Я читал рукопись чуть позже. Не имею право раскрывать сюжет. Скажу лишь, что меня поразили страницы вычеркнутого текста. Б.Васильев безжалостно вымарал те слова из писем героя повести своей возлюбленной - Варваре Николаевне, которыми тот отрицательно характеризовал бывшую жену. Не мог позволить писатель оскорблять женское достоинство мужчине, даже уже разлюбившему, не мог!

А я, читая «Прах невестребованный», неожиданно для себя вспомнил где-то услышанное, как МХАТ готовил к постановке пьесу А.П.Чехова «Три сестры». По первому замыслу Андрей Прозоров должен был произнести монолог о женщинах-мещанках, которые «хранят в себе налет поэзии и женственности, но, выйдя замуж, спешат надеть капот, туфли, безвкусные и богатые уборы, в такие же капоты и туфли облачаются их души».

Но перед самым выпуском спектакля от Чехова пришло письмо. В нем он просил выбросить этот обличительный монолог и заменить его одной фразой: «Жена есть жена».

Рыцарское отношение к женщине хорошо чувствуют сами представительницы прекрасного пола. Во время выступления Б.Васильева в концертном зале на сцену вышла женщина-художник и подарила ему картину. При этом она сказала ему столько добрых, возвышенных слов, что писатель, как мне показалось, чуть даже растерялся. А слова-то какие: настоящий писатель, как хорошо, что вы есть, настоящий мужчина, красивый человек.

Как редки сегодня такие непривычные монологи. Быть может, потому, что рыцарей мало? Я слышал, как одна очень милая дама произносила тост в честь Б.Васильева. Он звучал приблизительно так: «Здесь все говорили, что вы - хороший писатель. И это правда. Что вы честный человек. И это правда. Но я хочу сказать не об

этом... О другом. Вы такой мужчина, при виде которого невольно испытываешь душевное волнение».

Что ж, мужское рыцарство и оценено по достоинству.

Б. Васильев интересно размышляет о демократии. По его мнению, демократия - это не образование новых партий. Это скорее мировоззрение. «Я боюсь, - сказал он, - как крайне левых, так и крайне правых».

Как совпадают умонастроения разных людей. Евтушенко много лет назад написал: «Мне чужды экстремисты. Мне приелись их трепотня, их умственный разврат. Вся эта ультраправость, ультралевость рутиной одинаково роят...». Демократия - это стремление к диалогу, к безусловному соблюдению законности. Борис Васильев рассказал, как однажды в зале, где заседал Верховный Совет Союза (1989 - ред.), на гостевой трибуне появился политический деятель, известный своими скандальными выходками. Увидев его, один из депутатов буквально закричал: «Остановите заседание и выгоните непрошенного гостя».

Б. Васильев успокоил его: «Этот политик имеет право здесь присутствовать. Если его изгнать - будет скандал, чего он и добивается».

Чуть позже депутат подошел к Борису Львовичу и согласился с его позицией - действительно, был бы скандал.

Рассказывая эту историю, писатель сказал, что не верит в будущее политиков, жаждущих конфликтов и скандалов.

Демократия - это, конечно же - не только партии, но и мировоззрения...

* * *

Один мой знакомый московский критик любит расставлять писателей по рангам и, рассуждая о них, одному отдает первое место, другому - второе, третьему - десятое. «А этот, - говорит он, например, о Ерофееве сокрушенно, - в первую десятку не попадает».

Я не осмеливаюсь подходить к творцам с таблицей умножения и обозначать их художественную значимость с помощью четырех арифметических действий.

Что касается Бориса Васильева, то он за последние 25 лет занял в русской литературе свое достойное и законное место. Нравственная безупречность его гражданской позиции, сострадание к людям, любовь к ним, запечатленные в полновесных художественных образах, все это дает право считать, что имя Бориса Васильева останется надолго в русской литературе.

* * *

В повести «Летят мои кони...» Б.Васильев написал вот такие строки: «Я родился на перекрестке двух эпох, и в этом мне повезло. Еще судорожно и тихо уходила в вечность Русь вчерашняя, а у ее одра неумело, а потому и чересчур громко уже хозяйничала Россия дня завтрашнего. Старые корни рубились со звонким восторгом, новое прорастало медленно. Россия уже отбыла со станции «Вчера», еще не достигла станции «Завтра» и, судорожно громяхая разболтанными вагонами, испуганно вздрагивая - на стыке дней своих, мчалась из пронизанной вспышками выстрелов ночи гражданской войны в алый рассвет завтрашнего дня. Наш паровоз летел вперед».

Слова эти написаны в начале 80-х годов. Борис Васильев не знал еще ни о перестройке, ни о Карабахе, ни о распаде Союза. Россия сегодня уже отбыла со станции «Вчера». И как сказал в одном из своих выступлений писатель в Смоленске - «Поезд уже пошел. И остановить его может только преступник»...

Борис Васильев верит, что поезд, несмотря ни на что, доедет и довезет нас до лучшей жизни. Потому и призывает всех нас любить Россию в непогоду.

Журнал «Край Смоленский», 1993.

Дорогие мои земляки!

Мне потребовалось разменять восьмой десяток, чтобы понять, как следовало бы прожить свою жизнь. И все уложилось в одну строчку. Шота Руставели:

«Что отдашь — твое; что скроешь — то потеряно навек.

Мне бы очень хотелось, чтобы кто-то из вас взял бы эту строчку девизом жизни своей.

Здоровья вам и удачи!

Ваш Б. Васильев 19.05.95

Обращение Б.Васильева к смолянам после одной из встреч: «Дорогие мои земляки! Мне потребовалось разменять восьмой десяток, чтобы понять, как следовало бы прожить свою жизнь. И все уложилось в одну строчку Шота Руставели:

«Что отдашь — твое, что скроешь — то потеряно навек».

Мне бы очень хотелось, чтобы кто-то из вас взял эту строчку девизом жизни своей. Здоровья вам и удачи! Ваш Б.Васильев. 19.05.95